

В. П. Федюк**Российский обыватель в годы Гражданской войны:
социокультурные аспекты повседневности**

В статье представлена повседневная жизнь российских горожан в годы Гражданской войны (1917–1920). Специально рассматривается обеспеченность жителей городов жильем, продовольствием, одеждой и обувью. Отдельно анализируется проявление социальных аномалий, в частности пьянство и пьяные погромы, а также сексуальное насилие. На основе конкретных фактов сделан вывод о том, что обстановка Гражданской войны неизбежно вела российского горожанина к моральной деградации, превращала в норму искаженные представления о правилах поведения.

В ощущениях обывателя преобладал страх. Это имело двойные последствия. Во-первых, проявлялись апатия и стремление спрятаться от окружающего мира. Именно апатия, порожденная страхом, вызвала равнодушие к политическим переменам. Резкий рост социальной агрессии также был порождением страха. Страх перед грядущим голодом стал причиной самочинных обысков и продовольственных погромов, страх перед преступностью вызвал к жизни самосуды. Все это в значительной мере определило историю страны.

Ключевые слова: русская революция, Гражданская война, культура, повседневная жизнь, социальные аномалии.

V. P. Fedjuk**The Russian Inhabitant during the Civil War: Sociocultural Aspects of Everyday Life**

In the article everyday life of the Russian citizens during the Civil war is considered (1917–1920). Provision of residents of the cities with housing, food, clothes and footwear is considered in detail. Existence of social anomalies, in particular alcoholism and drunk riots, and also sexual violence is analysed separately. On the basis of the certain facts the conclusion is drawn that the situation during the Civil war inevitably led the Russian citizen to moral degradation, the distorted ideas on the rules of conduct turned into norm.

Fear prevailed in feelings of the inhabitants. It had double consequences. Firstly, there was apathy and aspiration to hide from the world around. The apathy generated by the fear generated indifference to political changes. But also the sharp growth of social aggression was the result of the fear. The fear in front of the future hunger caused illegal searches and food riots, the fear of crime brought self-courts to life. All these things defined further history of the country considerably.

Keywords: the Russian Revolution, the Civil War, culture, everyday life, social anomalies.

Современники, описывавшие жизнь Петрограда и Москвы в годы Гражданской войны, единодушно отмечают крайне запущенный вид российских столиц. «На улицах было грязно, панели сплошь усеяны шелухой подсолнухов. Трамваи ходили редко, вагоны были переполнены до отказа. Электричество большей частью бездействовало. По вечерам на улицах – жутко, особенно на окраинах, насилия и грабежи стали обычным явлением. Повсюду в общественных залах шли митинги. Вместо полицейских на постах стояли какие-то люди с красными нарукавниками, они равнодушно относились и к душераздирающим крикам, и даже к выстрелам. Короче говоря, был хаос, во время которого большевики расстреливали старый режим»¹. Таким был Петроград в декабре 1917 г., но эта картина почти без изменений могла бы относиться к любому более или менее крупному городу.

Несмотря на значительный отток населения (люди, спасаясь от голода, уезжали в относи-

тельно благополучную провинцию), жилищный вопрос в крупных центрах встал с крайней остротой. Это не было напрямую связано с военными действиями. В Гражданскую войну все воюющие стороны испытывали недостаток в тяжелой артиллерии, бомбардировочная авиация находилась в зачаточном состоянии, и потому бои за тот или иной город редко приводили к серьезным разрушениям. Нехватка жилья скорее объяснялась общей разрухой и неустроенностью.

Уже в дни революции фактически прекратили работу коммунальные службы. Дома стояли без ремонта и потихоньку разваливались. Электричество подчас не подавалось неделями. Если по вечерам в домах внезапно появлялся электрический свет, то это, как правило, было сигналом к тому, что в квартале проводятся повальные обыски и жильцам нужно быть готовыми к визиту людей в кожаных куртках. Свет отключали даже в Кремле. В один из таких моментов охрана как-

то не узнала в темноте Ленина и долго отказывалась пропустить его домой².

Еще серьезней была проблема с отоплением. Дрова превратились в дорогостоящую роскошь. В ход пошло все, что могло гореть. В Москве зимой 1918–1919 гг. были разобраны на дрова все деревянные заборы. Однако этого не хватало для того, чтобы натопить обычную печь, и умельцы быстро наладили кустарное производство печей из стального листа. Они получили название «буржук», поскольку потребляли дрова в огромных количествах. «Буржуйки» быстро накалялись и столь же быстро остывали. Как правило, в квартире отапливалась только одна комната, и если там удавалось поддерживать температуру в семь-восемь градусов тепла, то это считалось за счастье.

Использование «буржуек» вело к частым пожарам. Замерзший неработающий водопровод, дворы и подъезды, изгаженные нечистотами (асенизационные обозы тоже не работали), – такая была типичная для крупных городов картина. В этих условиях дома быстро ветшали и становились непригодными для жилья.

Но разруху хотя бы можно было понять. Другая же причина жилищного кризиса была создана искусственно. Уравнительный принцип, провозглашавшийся большевиками, был распространен и на жилье. Уже с весны 1918 г. в Петрограде и Москве, а затем и в большинстве других городов началось массовое переселение рабочих в «буржуазные» квартиры. Первоначально прежним хозяевам разрешалось оставлять по одной комнате на каждого взрослого члена семьи и одну дополнительно на детей. Год спустя были введены санитарные нормы жилья, составлявшие 10 м² на взрослого и 5 м² на ребенка³. Если площадь квартиры превышала эти нормы, то она подлежала уплотнению. Законодательную основу под «жилищный передел» подвел декрет от 20 августа 1918 г., отменявший право частной собственности на недвижимость в городах⁴.

Основанием для уплотнения могло быть и отсутствие хозяина в течение двух и более месяцев. При этом во всех случаях «уплотняемым» запрещалось выносить из освобождаемых комнат мебель. Она переходила к новым владельцам или свозилась на склад, откуда распределялась по ордерам жилкоммунхоза.

Это переселение было никому не нужным и, в первую очередь, тем самым рабочим, на благо которых оно было направлено. Из привычных, хотя, может быть, и не слишком комфортабель-

ных, домов на окраинах они перебирались в центр. Отсюда им было сложно добираться на работу, да и жить на пятом этаже квартиры без водопровода и отопления оказалось куда менее удобно, нежели это представлялось. Подселенцы чувствовали себя на новом месте временными жильцами и вели себя соответствующим образом. В просторных бывших «барских» квартирах вынуждены были жить бок о бок люди, отличавшиеся профессией, привычками, воспитанием. Это рождало ссоры и склоки, бесконечные конфликты, перераставшие в ненависть, словом, все то, что составляло характерную атмосферу советских коммуналок.

В своеобразных коммуналках жила в ту пору и значительная часть советской элиты. После переезда большевистского правительства в Москву понадобилось немало помещений не только для размещения многочисленных канцелярий, но и для расселения перебравшихся в новую столицу чиновников. С этой целью были реквизированы гостиницы «Националь» (она была переименована в 1-й Дом Советов), «Метрополь» (2-й Дом Советов), а также несколько зданий в других центральных районах города. Они были превращены в нечто вроде общежитий, и порядки там быстро установились соответствующие.

Вот характерное свидетельство очевидца: «Метрополь» был запущен, и в нем царилась грязь, Я не говорю, конечно, о помещениях, занятых сановниками и их возлюбленными и пр. – там было чисто и нарядно убрано. Но в стенах “Метрополя” ютились массы среднего партийного люда: разные рабочие, состоявшие на ответственных должностях, с семьями, в большинстве своем люди малокультурные, имевшие самое элементарное представление о чистоплотности. И потому нет ничего удивительного в том, что “Метрополь” был полон клопов и даже вшей... Мне нередко приходилось видеть, как женщины, лениясь идти в уборные со своими детьми, держали их прямо над роскошным ковром, устилавшим коридоры, для оправления их естественных нужд, тут же вытирали их и бросали грязные бумажки на тот же ковер... Мужчины, не стесняясь, проходя по коридору, плевали и швыряли горящие еще окурки тут же на ковры»⁵.

Высшее советское руководство после переезда в Москву разместилось в Кремле, который с этого времени был закрыт для посторонних. Кремлевские помещения мало были приспособлены для жилья. Собранная на скорую руку обстановка была пестрой: мебель из карельской березы

могла соседствовать в одной комнате с простыми железными кроватями. Но в целом жилищные условия советских вождей по тем временам могли считаться более чем удовлетворительными. Этого, однако, не скажешь о других кремлевских обитателях – дворниках, сторожах, курьерах, ютившихся по подвалам в тесноте и грязи⁶.

Обывательские дневники периода Гражданской войны выглядят удивительно однообразно. Каждый день повторяются одни и те же записи: где, по каким ценам удалось купить еду и другие необходимые вещи. Но, если о настоящем голоде, даже в самое трудное время, говорить все же не приходилось, то обновление гардероба или покупка новой обуви превращались в неразрешимую проблему.

Немногочисленные иностранцы, рискнувшие посетить в то время Советскую Россию, единодушно обращали внимание на оборванный вид уличных прохожих. «Второе, что обращает на себя внимание, особенно на Невском, раньше пестревшем чрезвычайно элегантной публикой, это полнейшее отсутствие новой одежды... Я видел молодую женщину в хорошо сохранившейся и, как казалось, очень дорогой шубе, на ногах которой были лапти, обвязанные полотняными тряпками»⁷. Немногим лучше выглядели и представители новой власти. Один из современников оставил следующее описание внешности Троцкого в день его первого визита в министерство иностранных дел: «Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальный воротничок, рубашка были сильно заносены. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы. Штанишки мятые, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромой»⁸.

В связи с этим нельзя не вспомнить историю со «штанами Ленина». Рассказал ее уже после смерти большевистского вождя К. Радек, славившийся умением подмечать характерные мелочи. Радек рассказывает о том, как весной 1917 г. он вместе с Лениным возвращался в Россию через Стокгольм. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей вызвал в нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека. Он ехал в горских сапогах с гвоздями громадной величины. Мы уговаривали его купить хотя бы новые сапоги. Мы ему указывали, что если полагалось портить этими сапогами тротуары пошлых городов буржуазной Швейцарии, то совесть должна ему запретить с такими инструментами разрушения ехать в Петроград, где, быть может, теперь вообще нет тротуаров...

Мы купили Ильичу сапоги и начали его прельщать другими частями гардероба. Он защищался как мог, спрашивая нас, не думаем ли мы, что он собирается по приезде в Петроград открыть лавочку готового платья, но все-таки мы его уломали и снабдили парой штанов, которые я, приехав в октябре в Питер, на нем и открыл, несмотря на бесформенный вид, который они приняли под влиянием русской революции»⁹.

Но то, что не могли позволить себе лидеры, с удовольствием позволяли «вожди» меньшего ранга. В записках немецкого генерала М. Гофмана есть удивительно меткая характеристика А. А. Иоффе, возглавлявшего советскую делегацию на брестских переговорах. «Иоффе твердо верил, что в будущем всем людям будет хорошо, а некоторым, среди которых, как мне кажется, он имел в виду самого себя, будет еще несколько лучше»¹⁰. После того как большевики оказались у власти, их ряды быстро заполнились огромным количеством случайных людей. Кто-то примкнул к победителям волею обстоятельств, кто-то был движим соображениями карьеры или прямой нужды. Недавние обитатели предместий стремились как можно быстрее приобщиться ко всем прелестям «барского» бытия. Вот что по этому поводу в августе 1919 г. писала своим знакомым некая петроградская барышня: «За мной ухаживает комиссар. Он занимает буржуазную квартиру, обещает одеть меня как картинку, катает меня на автомобиле. На квартире у него чего только нет: несколько пар сапог с лакированными голенищами, разные туфли, каракулевое пальто, рис, масло, хлеб. Он говорит, чтобы я торговала на рынке материями, которых у него черт знает сколько. Комиссар сделал себе и мне на заказ обручальные кольца, толстые, массивные»¹¹. Из перечисленных здесь признаков «красивой жизни» нетрудно понять, что упомянутый в письме комиссар относился к числу тех, для кого еще недавно лакированные штиблеты были верхом роскоши.

Если же вернуться к одежде, то выбор ее диктовался все же не только нищетой. Манера одеваться, мода и традиции, существующие в этой сфере, служат одной из наиболее заметных составляющих повседневной жизни человека. В связи с этим ее можно рассматривать как важный элемент знаковой системы, характеризующей историческое время. Не случайно в годы революции такое распространение получила одежда военного и полувоенного покроя. В условиях, когда бесконтрольное насилие стало нормой

жизни, пресловутый «человек с ружьем» был хозяином всего и вся. Одеваясь во френч или гимнастерку, мирный обыватель, подобно безобидному жуку, пытался выдать себя за ядовитое и опасное насекомое.

Особое место в моде Гражданской войны занимали кожаные куртки. Прежде они почти не были известны гражданскому населению. Кожаные куртки были элементом военной формы: по уставу их полагалось носить летчикам и офицерам автоброневых частей¹². Однако уже с 1918 г. они превратились в главный элемент своеобразной, никем не утвержденной чекистской формы. Впрочем, носили их все, кто мог достать, вплоть до бандитов. Годом позже саратовские чекисты даже специально ходатайствовали перед коллегией ВЧК о том, чтобы посторонним было запрещено носить кожаные куртки и плащи, поскольку этим пользуются во время самочинных обысков различного рода уголовники.

Еще одной характерной деталью времени было широкое распространение элементов мужской моды среди женщин. Общая для тех и других полувоенная одежда была, конечно, в значительной степени порождением дефицита. Равно как короткие мужские прически у женщин более соответствовали гигиене в условиях эпидемии тифа. Но вместе с тем в этом была и более глубокая семантическая составляющая, а именно та нивелировка особенностей статуса мужчины и женщины, которая стала результатом революционной эпохи.

Уже в 1917 г. были сделаны важные шаги в деле реформирования взаимоотношений полов. Декретом ВЦИК от 16 декабря были узаконены разводы, а декретом от 18 декабря введен гражданский брак. Если гражданский брак поначалу не слишком-то изменил ситуацию, так как обычно не замещал, а лишь дополнял венчание, то развод стал важным новым явлением. Для развода необходимо было судебное решение лишь в том случае, если с инициативой его выступал один из супругов, при обоюдном же согласии достаточно было регистрации в отделе записи актов гражданского состояния. Несомненно, что это либерализовало очень жесткие прежние правила в сфере семейно-брачных отношений, но вместе с тем породило некое легковесное отношение к самому браку. Может быть, поэтому разводы получили распространение прежде всего в среде горожан, в деревне же к ним относились куда более осторожно.

Вообще, происходившие в стране политические перемены очень сильно изменили и отношения между полами. Российское общество как-то очень быстро деградировало, откатываясь к тем диким временам, когда женщина воспринималась исключительно как вещь, как инструмент для удовлетворения мужского сластолюбия. Символом этого может служить история с «декретом о национализации женщин». Сюжет этот достаточно известен, но здесь есть смысл напомнить его.

В начале марта 1918 г. в Саратове получила хождение листовка, выпущенная от имени местной федерации анархистов. Она провозглашала «отмену частного владения женщинами» и передачу их «в пользование народа». Каждый мужчина, представивший свидетельство о принадлежности к трудовой семье, получал право на «отчужденных женщин» (бывшие мужья имели так-же право вне очереди)¹³.

Саратовские анархисты с самого начала отмежевались от «декрета». По их утверждениям, это было провокацией, организованной местными черносотенцами. Однако этот документ наделал немало шума, особенно после того как он был перепечатан московской газетой «Свобода России». После протеста саратовских анархистов газета поместила опровержение, но слух пошел гулять по стране. Позднее «национализация женщин» очень активно обыгрывалась различными антибольшевистскими силами. В материалах денкинской «комиссии по расследованию злодеяний большевиков» содержатся документы, подробно описывающие «социализацию женщин» в Екатеринодаре в период пребывания там красных¹⁴. Не исключено, что это тоже фальшивка, как и саратовский декрет, на сам факт того, что этим слухам верили, свидетельствует о том, что общественное сознание было подготовлено к их восприятию.

Поверить же было совсем несложно. Насилие захлестнуло страну, и надругательство над женщиной стало своего рода знаковым выражением этих настроений. Не случайно уже взятие Зимнего дворца сопровождалось изнасилованием ударниц из женского батальона¹⁵. Подобные сцены неоднократно описаны в воспоминаниях рядовых участников Гражданской войны¹⁶. Понятно, что этот источник не дает возможности выявить какие-то количественные показатели. Что же касается тыловых районов, то в статистике уголовных преступлений тех лет изнасилования занимают одну из последних строк, а в абсолютных

цифрах их количество даже снизилось по сравнению с дореволюционным временем.

Это на первый взгляд выглядит странным, но можно предположить, что изнасилования стали настолько обыденным явлением, что большая их часть просто не фиксировалась. Правда, есть и иное объяснение этого факта. Голод, постоянное напряжение и страх имели результатом снижение сексуальной активности. Многие мемуаристы отмечают (во всяком случае, применительно к Петрограду), что у «мужчин была почти полная импотенция, а у женщин исчезли месячные»¹⁷. На фронте же сама атмосфера закончившегося боя провоцировала сексуальную агрессию. Тем более что во все времена насилие над женщинами было одной из форм самоутверждения победителей.

Ни одному из прежних правительств России не удалось законодательными мерами добиться снижения уровня проституции. Сейчас к этому привели голод, неустроенность и общий развал экономики. В Гражданскую войну существенно изменился сам контингент проституток. На смену «профессионалкам» пришли женщины, для которых торговля телом была средством выжить. По той же причине выросла детская и подростковая проституция¹⁸. Но проституция в конечном счете тоже представляет собой своеобразный вид платных услуг, а обнищание населения привело к резкому снижению спроса на них. В итоге общее число проституток существенно сократилось. По словам А. М. Коллонтай, в крупных городах, таких как Москва или Петроград, в это время насчитывалось не более 200–300 профессиональных проституток¹⁹.

Можно предположить, что в прифронтовой зоне их было гораздо больше. Расположение воюющих армий в ту пору нередко напоминало эдакий «лагерь Валленштейна», в котором присутствие «дам легкого поведения» было естественным и необходимым. Скопление сотен оторванных от семей мужчин, имеющих деньги и не жалеющих их, создавало «итательную среду» для сексуальной коммерции.

Нам не известно, предпринимались ли в белых армиях какие-то меры для борьбы с проституцией. Возможно, что нет, поскольку у белых все же сохранялась какая-то видимость прежних военных порядков. Что же касается Красной армии, то здесь этот вопрос стоял очень серьезно. Красное командование рассматривало сопровождавших армию проституток как один из факторов падения дисциплины. К тому же большой про-

блемой было распространение в армии венерических болезней, выходявших в статистике заболеваний на второе место после тифа. В некоторых красноармейских частях существовали даже особые «венроты», в состав которых сводились заболевшие.

В трактовке пропаганды тех лет тиф и венерические болезни приравнялись к контрреволюции, тифозная вошь ставилась в один ряд с Врангелем и Деникиным («тебя убьет, если ты не убьешь»²⁰). В том же контексте формировалось и отношение к проституткам. В августе 1918 г. В. И. Ленин в связи с угрозой контрреволюционных выступлений в Поволжье требовал «растрелять и вывезти сотни проституток»²¹. Правда, насколько нам известно, организованных репрессий в отношении этой категории все же не было. В апреле 1919 г. постановлением ВЦИК в Советской России были созданы лагеря принудительных работ. Среди их обитателей, помимо «контрреволюционных элементов» и уголовных преступников, были представлены проститутки. По данным Н. Б. Лебиной, в одном из таких специальных женских лагерей в Петрограде задержанные по обвинению в проституции составляли до 60 %²². Схожая картина имела место и в провинции²³.

Еще одним социальным пороком, распространенным в России куда шире, чем проституция, было пьянство. Как известно, с началом мировой войны в стране был введен сухой закон. Однако, несмотря на оптимизм властей (Дума уже рассматривала вопрос о том, чтобы сохранить эти порядки и в послевоенное время), ни нелегальное производство, ни потребление алкоголя окончательно преодолеть не удалось. Более того, в народе введение сухого закона стало приписываться Распутину. Свержение династии Романовых в такой трактовке превратилось в проявление борьбы с насильственно навязанной трезвостью: «Ведь в прежние войны пили и побеждали, а вот тебе и трезвенная война, во как закончилась. От трезвости и революция пошла»²⁴.

Временное правительство формально сохранило запрет на свободную продажу алкогольных напитков, но достать их из-под полы не представляло большого труда. Уже в сентябре-октябре в провинции начались погромы винных складов. К середине ноября погромы докатились и до столицы. В Петрограде тогда находилось огромное количество винных складов, по большей части опечатанных с введением сухого закона. Самые крупные запасы хранились в подвалах

Зимнего дворца. Новые хозяева города узнали об этом, в общем-то, случайно. Поначалу предполагалось организовать продажу коллекционных вин за границу, но, когда слух о находке распространился по городу, к дворцу стала стекаться громадная неуправляемая толпа.

Все попытки помешать погромщикам проникнуть в дворцовые подвалы оказались неудачными. Призыв «Допьем романовские остатки!» оказался слишком большим искусом для «славных защитников революции». Комендант Зимнего Благонравов за две недели был вынужден трижды менять состав караула, но каждый раз охрана быстро присоединялась к толпе. Тогда были вызваны пожарные машины, закачавшие в подвалы воду. «Воздух в городе был отравлен винными парами. Повсюду валялись перепившиеся солдаты и матросы, осколки битых бутылок сверкали на солнце, снег стал разноцветным от пролитых на него вин, толпы людей собирали его пригоршнями, пытаясь глотнуть последние капли драгоценной влаги, дерясь друг с другом за остатки...»²⁵. 29 декабря 1917 г. Петроградский ВРК опубликовал приказ, предписывавший арестовывать и судить участников погромов²⁶. Однако в начале декабря пьяные погромы повторились в еще больших масштабах. Дважды, 3 и 23 декабря, в связи с этим в Петрограде объявлялось осадное положение. Лишь к середине января следующего года, когда были уничтожены запасы на всех винных складах города, ситуация несколько нормализовалась.

Бесчинства пьяной толпы стали для большевистского руководства серьезным предупреждением. Один из очевидцев вспоминал об обстановке тех дней: «В Смольном все были растеряны, и даже сам Ленин. За много лет нашего знакомства я никогда не видал его таким. Он был бледен, и нервная судорога подергивала его лицо. – Эти мерзавцы, – сразу же заговорил он, утопят в вине всю революцию! Мы уже дали распоряжение расстреливать грабителей на месте. Но нас плохо слушаются... Вот они, русские бунты!..»²⁷. Быть может, именно страх перед повторением этих событий заставил большевиков сохранить прежние законы в отношении производства и торговли алкоголем. Правда, декретом от 19 января 1919 г. на территории РСФСР была разрешена продажа виноградных вин и других напитков крепостью не свыше 12 градусов, но более крепкие их разновидности по-прежнему оставались под запретом. Одновременно декрет

предусматривал наказания за появление в общественных местах в нетрезвом виде.

Тем не менее, желающие могли утолить свою жажду без труда. В любом крупном городе к их услугам были полулегальные питейные заведения, впрочем, и не слишком скрывавшие свою деятельность. В дневниках московского чиновника Н. П. Окунева описана обстановка в одной из таких распивочных: «Вчера вечером с приятелями зашел в какое-то подполье (в центре города), вывески никакой нет, и раньше там была кухмистерская. Но и теперь там едят... и пьют... исключительно спирт. Чтобы получить его – целая процедура: надо заплатить вперед какому-то кавказскому человеку 50 р. и он выдает талончик. С этими талончиками садимся за стол; услужающая девушка объявляет, что у них сегодня буженина и телятина. Спросили первое, потом «опытные» приятели перемигнулись, и мы гуськом поплелись в одну каморочку, из нее в другую, дальше каким-то темным коридорчиком и затем – в еще более темную, низенькую холодную комнату, где уже стояла толпа, жаждущая обменять свои талончики на полуспиртик. Стали «в хвост», дождались своей очереди, открылось маленькое потайное окошечко, откуда высовывалась рожа виночерпия, наливавшего каждому лафитный стаканчик спиртного напитка. Потом спешили обратно закусить своей бужениной. Обстоятельства сложились так, что пришлось эту процедуру повторять четыре раза. Торговля замечательная, – я думаю, что в этой трущобе за день пропиваются десятки тыс. руб.»²⁸ Эта запись относится к декабрю 1918 г., но то же самое продолжалось и в последующие годы, разве что цены стали выше.

В провинции все было еще более откровенно. Вот как обстояли дела летом 1919 г. в Тамбове: «Пьянство свирепствует всюду, мало отличается от времен царизма. Сами комиссары ходят пьяные. За водку штрафуют на 1 тыс. руб., когда они одну четверть продают за 10 тыс. руб.»²⁹ Еще меньше проблем в этом отношении знала деревня. Здесь плескалось настоящее море самогона. В недавно опубликованных исследованиях содержится информация о том, что только в одной Алтайской губернии в первые месяцы 1918 г. крестьяне перевели на самогон 15 млн пудов зерна³⁰. Если эта цифра соответствует истине, то это что-то фантастическое.

Гражданская война стала страшным испытанием для России. Сама обстановка анархии и безвластия, сама атмосфера времени, когда наси-

лие превратилось в норму жизни, поднимали наверх все наиболее грязное и отталкивающее. В таких условиях рядовой обыватель должен был каждый день бояться за свое будущее. В ненормальное время искаженная мораль, в свою очередь, становилась нормой. Последствия этого во многом определили дальнейшую историю страны.

¹ Нео-Сильвестр Г. Охтинская «богородица» // Грани (Франкфурт на Майне). 1957. № 36. С. 155.

² Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 188.

³ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб., 1999. С. 181.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочекрестьянского правительства (далее – СУ). № 62. 31 августа 1918 г. С. 144–146.

⁵ Соломон Г. Среди красных вождей. М., 1995. С. 135.

⁶ Как жили в Кремле в 1920 году. Материалы Кремлевской комиссии ЦК РКП (б) // Неизвестная Россия. XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 269.

⁷ Ренсом А. Шесть недель в Советской России. М. б. г. С. 13.

⁸ Лопухин В. Б. После 25 октября // Минувшее. Т. 1. М., 1990. С. 18.

⁹ Радек К. В plombированном вагоне // Правда. 1924. 20 апреля.

¹⁰ Гофман М. Записки и дневники: 1914–1918. М., 1929. С. 117.

¹¹ Частные письма эпохи гражданской войны (по материалам военной цензуры) // Неизвестная Россия. Век XX. М., 1992. С. 231.

¹² Ривош Я. Н. Люди и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 275.

¹³ Долгоиграющие фальшивки // Родина. 1990. № 11. С. 70. Вне всяких сомнений, «декрет о национализации женщин» является апокрифом чистой воды, но обращает внимание то, насколько точно в нем соблюдена канцелярская лексика первых советских законодательных актов.

¹⁴ Фельштинский Ю. Безумие во имя идеи // Родина. 1990. № 10. С. 42–43. В советских газетах, выходящих в Екатеринодаре, нам не удалось найти никаких упоминаний об этом. Не упоминают о «социализации женщин» и многочисленные мемуаристы, оставившие воспоминания о гражданской войне на Кубани.

¹⁵ Судя по материалам расследования, предпринятого Петроградской городской думой, изнасилованы были трое ударниц (См.: Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1958. С. 289). В городе говорили о гораздо большем числе жертв, однако в данном случае важен сам факт.

¹⁶ См., например: Гуль Р. Ледяной поход. М. 1992. С. 42.

¹⁷ Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Т. 1. М. 1991. С. 29; Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента (1919–1922 гг.) // Русское прошлое. Кн. 5. СПб. 1994. С. 151.

¹⁸ Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М. 1997. С. 183; Частные письма эпохи гражданской войны. С. 209.

¹⁹ Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. М. 1994. С. 61. Авторы считают, что это число занижено, но вместе с тем соглашаются, что общий уровень проституции в эти годы упал.

²⁰ Маяковский В. В. Собр. Соч. М. 1973. Т. 5. С. 282.

²¹ Ленин В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 50. С. 142.

²² Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. С. 84.

²³ Данилов А., Горобченко В. Ярославль – город концлагерей // Не предать забвению. Т. 4. Ярославль. 1997. С. 263.

²⁴ Милицин С. В. Из моей тетради (последние дни Преображенского полка) // Архив русской революции. Т. 2. Берлин. 1921. С. 178.

²⁵ Алексеева И. Мириэль Бюкенен. Свидетельница великих потрясений. СПб. 1998. С. 193.

²⁶ Мальков П. Д. Записки коменданта Кремля. С. 104.

²⁷ Соломон Г. Среди красных вождей. С. 15.

²⁸ Окунев Н. П. Дневник москвича (1917–1924). Париж. 1990. С. 242.

²⁹ Частные письма эпохи гражданской войны. С. 229.

³⁰ Давыдов А. Ю. Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 46.